

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга посвящена одному из крупнейших писателей XX века, выдающемуся мастеру слова Ивану Бунину. Он по праву занимает одно из первых мест в искусстве русского реализма, хотя, в отличие от других писателей этого направления, стоял несколько в стороне от активных общественно-политических интересов. Книга охватывает мало пока изученный период его жизни — с 1918-го по 1953 год.

«...Читатели «Жизни Арсеньева» едва ли обратили должное внимание на как бы случайно вкрапленную фразу о том, что «воспоминания — нечто столь тяжкое, страшное, что существует даже молитва о спасении от них... Но Бунин — большой русский писатель (я хотел было по-тургеневски написать «писатель земли русской», но не решился), и мне кажется, что любая памятка о нем, будь то серьезная, будь то пустяковая, необходима для будущего и незачем обходить молчанием некоторые, хотя бы теньевые стороны его жизни, разбавлять их розовой водицей и способствовать распространению «легенд», — писал секретарь И. А. Бунина, литератор А. В. Бахрах.

Вспоминать о Бунине тем полезнее, что порой он сам забывал прошлое, то приукрашал его, сам того не замечая; то сгущал краски, не для того, чтобы кого-то разжалобить, а просто в силу своей художественной натуры, неизменно преображавшей пережитое, может быть, казавшееся ему слишком тусклым. И еще: часто он говорил одно, а другому другое — о том же самом, смотря по настроению. А ведь как-никак кому, как не ему, будет суждено стать достоянием доцента и критиков новых плодить».

Книга В. Лаврова, призвана, на мой взгляд, выявить подлинный облик писателя, давно признанного одним из классиков русской литературы. Автор, прибегнувший к жанру документальной прозы, привлек большое количество материалов, прежде у нас неизвестных. Это дневники Ивана Алексеевича и его жены Веры Николаевны, их письма, свидетельства современников, материалы зарубежной периодики 20—40-х годов, не публиковавшиеся прежде автографы Бунина, хранящиеся в государственных и личных хранилищах (включая иностранные).

Автор ничего не выдумывает. Даже диалог, порой вводимый в повествование, всегда воспроизводит слова, произнесенные в действительности. Более того, автор не пытается наносить литературный грим на лик истины. Бунинский облик от правды лишь выигрывает...

Автор не просто монтирует документы. Он создает исторически достоверную биографию, со всеми сложностями характера героя, с его привлекательными и отрицательными качествами. Книга очень доказательно развенчивает мифы о писателе как о человеке «черством, эгоистичном, озлобленном». «Это был удивительно чистый человек, горячо любивший Россию, ее народ», — такое впечатление мы выносим, прочитав книгу В. Лаврова.

Надо сказать, что интерес к Бунину — и не только к его творчеству, но в не меньшей степени и к его личности, к его необычному жизненному пути, в последние годы постоянно растет. Жизнь писателя полна самых резких контрастов. Творческие взлеты, блеск всемирной славы, материальный успех драматически переплетались с периодами творческого застоя, потерей миллионов читателей, нуждой.

В чем причина особого внимания к Бунину, выделяющая его из ряда других замечательных деятелей культуры, его современников? Писатель, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре, к ее веками устоявшимся традициям, помимо своей воли оказался втянутым в круговорот бурных исторических процессов XX столетия. Более того, он стал жертвой тех сил, которые вели острейшую политическую борьбу.

Все это последствия того рокового шага, который совершил Бунин в феврале 1920 года, покинув родину. К Октябрьской революции и созданному ею советскому строю Бунин отнесся враждебно. Именно это обрекло писателя на самоизгнание, внесло в его жизнь много трагического. Он не понял исторической необходимости Октябрьской

революции, ее исторической закономерности, цели и философии. Но, к чести Бунина, он не свернул на кривую дорожку «публицистики», враждебной Октябрю. Он нашел в себе силы вернуться к писательскому труду и тем самым сохранить свой талант.

Кажется парадоксом то обстоятельство, что, когда Бунин жил на родине, он легко и охотно на время покидал ее — физически и «художественно», уходя в страны древних цивилизаций Ближнего и Дальнего Востока или на Запад. Но, став эмигрантом, он вдруг понял: он может думать и творчески устремляться лишь к родной земле, к ее людям. Только это питало творчество Ивана Алексеевича в чужих землях, позволяя и в ущербном бытии эмиграции создавать художественные ценности непреходящего значения. Каждая строка его писаний пронизана острой тоской эмигранта по утраченной родине.

С годами в Бунине все более крепнет решение вернуться на родину. Об этом доказательно говорят многие страницы книги В. Лаврова. «Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю: если бы дожить, попасть в Россию!» — это дневниковая запись Ивана Алексеевича 20 января 1944 года. Комментарии излишни!

В. Лаврову удалось собрать громадный исторический материал. И он владеет им свободно, изображая через призму героя различные стороны эмигрантского существования, открытую и закулисную борьбу сил, враждебных не только Стране Советов, но и проявлению всяческих прогрессивных тенденций внутри самой эмиграции.

Во всяком случае, подобной книги об И. А. Бунине еще не было — ни у нас, ни за рубежом.

Мне кажется закономерным, что этот труд появляется именно сейчас, когда в стране идет сложный процесс перестройки, в том числе в писательском и издательском деле. Здоровая атмосфера гласности позволяет честно рассказать о человеке, чей художественный дар стал неотъемлемой частью русской национальной культуры.

СЕРГЕЙ МАКАШИН, член редколлегии
«Литературного наследства»,
доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии СССР

ОТ АВТОРА

Все началось промозглым осенним днем 1976 года. Тогда я впервые пришел в скромную писательскую квартирку на Красноармейской улице, и у меня даже мысли не было, что этот визит станет отправной точкой настоящей книги.

Меня встретил сухой, с острым взглядом из-под щетки седых бровей человек. Это был старейший советский литератор, один из родоначальников отечественного буниноведения, Н. П. Смирнов.

К Николаю Павловичу меня привели дела, далекие от И. А. Бунина. Но как-то незаметно разговор соскользнул именно на него.

— Я несколько лет переписывался с теми, кто близко знал Ивана Алексеевича, — живо произнес Смирнов. — Вот они — письма из Франции, более ста пятидесяти. Эти от жены писателя — Веры Николаевны, эти от поэтессы Ирины Одоевцевой, эти от Бориса Зайцева — дружил с Буниным с 1902 года... А еще от Галины Кузнецовой, Леонида Зурова, литературного критика Юрия Терапиано. Ценнейший материал для биографа Ивана Алексеевича!

Он надолго замолк, потом вздохнул с искренним огорчением:

— Жаль, что у меня мало осталось времени...

И каково же было мое удивление, когда в один из следующих моих визитов к Смирнову, тот протянул мне папки с этими письмами:

— Возьмите! Вы молодой, обязательно напишите о Бунине — его жизнь не менее увлекательна, чем творчество.

Смирнов прожил еще почти два года. За несколько дней до своей смерти в начале сентября 1978 года, он успел прочитать мою первую скромную публикацию о Бунине и одобрил ее.

К этому времени я уже страстно «заболел» Буниным, разыскивал где мог его автографы — письма, рукописи, книги. Особенно меня интересовал его эмигрантский период творчества и жизни; слишком слабо он был изучен, слишком много было наносного вокруг имени великого русского писателя.

Мое рвение не пропадало даром. Многие старались помочь. Важные материалы я получил от доктора филологических наук С. А. Макашина, писателей И. С. Поступальского и Е. Д. Симонова, библиографа В. П. Сергеева и писателя О. Г. Ласунского (оба из Воронежа), журналиста-международника О. С. Васильева и других. Ценные советы по истории и культуре русского зарубежья дал мне кандидат философских наук А. Л. Афанасьев.

Необходимо добрым словом помянуть соратников Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»), а также работников различных отделов Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Отозвались и наши соотечественники, проживающие во Франции. Это в первую очередь антикварий А. Я. Полонский, затем — секретарь И. А. Бунина, ныне покойный А. В. Бахрах (оба — Париж). Прислал автографы писателя участник французского Сопротивления Н. Н. Оболенский. (Ницца), копии писем Бунина и иллюстративный материал — Инна Александровна Канту (Париж).

Всех их сердечно благодарю за бескорыстную помощь.

* * *

Жизнь И. А. Бунина изобилует противоречиями, проистекавшими из его характера и темперамента, взлетами, падениями. Автор не имел цели сглаживать острые углы или прибегать к домыслам. Вот почему он стремится говорить языком документов и фактов. Насколько удалось это — судить читателям.

КНИГА ПЕРВАЯ

**” В РОДНЫЕ ГАВАНИ
ВОВЕКИ Я НЕ ВНИДУ ... ”**

ГЛАВА I

С утра было свежо и солнечно. Золотые купола Белокаменной сияли радостью нового дня и наступившего лета. Буйно распускалась молодая зелень. Создавалось впечатление мира на земле и людского благополучия.

У Никитских ворот, в церкви Большого Вознесения, ударили колокола. С шумом стая ворон взмыла в синь неба, огласив ее бездонность зловещим криком. Нет, больше не было мира, не было уюта. Рухнул налаженный быт, поломали порядки, устоявшиеся веками и сотворенные нашими прадедами.

Двери парадного подъезда в Скатертном переулке были растворены. Из квартиры на нижнем этаже выносили книги. Молодой приказчик букинистической торговли «И. М. Фадеев и сыновья», что возле памятника Ивану Федорову на Лубянке, широкоплечий парень с постоянной улыбкой на скуластом лице, ловко перекидывал в телегу тяжелые вязки.

Наконец вытащили последнюю. Приказчик пристроился на краю телеги. Извозчик, хриплым голосом понукая кобылу, захлопал по ее раздутым бокам вожжами, заскрипели в осях колеса.

У подъезда стоял стройный, сухощавый человек в легком пальто горохового цвета, нервно теребя короткую бородку. Он следил за телегой, пока та не свернула в Медвежий переулок.

Человек этот был почетный академик и писатель Иван Бунин. На следующий день 23 мая, в половине третьего пополудни, он вместе со своей женой Верой Николаевной Муромцевой, племянницей покойного председателя первой Государственной думы, отправился на Савеловский вокзал. Деньги, полученные от продажи книг, пошли на дорожные расходы.

Еще накануне к вечеру внезапно потеплело. Время от времени принимался мелкий дождик, над улочками повис молочный туман. Лихач постоянно придерживал резвого жеребца, под которого то и дело норовили влезть зазевавшиеся прохожие.

Миновали Кудринскую, свернули к Долгоруковской. Бунин жадно вглядывался в окружающее, скрытое дождем и туманом. Сердце, вещун на все плохое, говорило: никогда тебе не видать этих улиц, гляди в последний раз...

Он не представлял себе жизнь без этого города — утробного, сытного, грешного, с его «Яром», лавками букинистов, двуглавым орлом над Спасской башней, Трубной площадью, где торговцы копошатся, как раки в решете, гостиницу «Лоскутную» и Большую Московскую гостиницу. Здесь он познакомился с Антоном Павловичем — в 1895 году. Здесь же в ресторане или в «Праге» на Арбате отмечали выход книги, новый спектакль, рождество, юбилейные даты, приезд или отъезд товарища... да мало ли чего отмечали! Жизнь казалась каждодневным праздником. Сколько выпили шампанского с Горьким, Шаляпиным, Телешовым, Рахманиновым, Алешей Толстым, тем же Чеховым, который очень любил рестораны и ужины. И всегда рядом был брат Юлий — на двенадцать лет старше, рассудительный, горячо любимый.

Юлий жил на Арбате, в одном из его многочисленных переулков — Староконюшенном. Однажды, возвращаясь пешком к себе домой, наговорил вслух стихи:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Вот и март...
Днем — ростепель, капли, греет солнце,
А ночью подморозит, станет чисто,
Светло — и так похоже на Москву,
Старинную, далекую.

...Стало заветривать, несколько разогнало мгу. Извозчик пустил жеребца — только шляпу держи, несет всюю!

А как они носились по Мясницким, Якиманкам, мимо Красных ворот и ворот Сретенских! Только сани подсакивали на наезженной мостовой! Какими яркими пятнами на фоне белого снега выделялись кучерские синие армяки, стеганные на вате, в складках, в фалдах, перехваченных широкими поясами с серебряным набором — все мужички как на подбор рослые, с русыми кудрявыми головами, с озорным криком «Гись!».

Куда до них припершимся откуда-то из-за границы лакированным авто, тут же прозванным москвичами «вонючками»!

Вспомнилось почему-то то неожиданное и сильное, что испытал недавно, в конце зимы, когда ездил на Николаевский вокзал встречать Юлия. Выехав с Мясницкой на Каланчевку, вдруг увидел распахнувшуюся сказочную сизую даль — золотые маковки древних церквей, груды лежащих внизу приземистых домов с белыми дымами из труб, длиннуций Запасной дворец на Басманной. И толпы, толпы мужиков в армяках цвета ржаного хлеба, баб в ярких платках и ладных полушубках. С недалекой церкви Петра и Павла, что за голицынским приютом, над всем этим разливался тягучий и мерный колокольный звон, звавший к заутрене.

— Господи, — перекрестился на колокольню Бунин. — Ну просто сцена из древней жизни, как на картине Сурикова. — И сердце его наполнилось особой благостью, особой любовью ко всем этим бабам, мужикам, извозчику, подгонявшему одра, к этим древним камням — ко всему, что зовется Русью.

И даже теперь, при воспоминании той, непонятно почему ранившей его картины, ему сделалось особенно грустно и сладко, как бывает в предвкушении чего-то гибельного и невозвратного.

* * *

На вокзале, как и было условлено, Бунин отправился в зал ожидания. Здесь в жуткой толчее, среди солдат, крестьян с громадными мешками и штатских с чемоданами, он отыскал ожидавших его Юлия и Екатерину Павловну Пешкову, жену Горького.

Юлий спокойно отколупывал ногтем скорлупу вареного яйца, которые предусмотрительная Екатерина Павловна привезла отъезжающим, и отправлял яйцо в рот. Пешкова обняла Веру Николаевну, протянула руку для поцелуя Ивану Алексеевичу и быстро произнесла:

— Все в порядке! Вы поедете в санитарном вагоне, вместе с пленными немцами. Их везут менять на наших, на отечественных. Но посадка будет только к вечеру.

...Действительно, их посадили только в семь, в вагоне для медицинского персонала — прямо в столовой. Пешкова уехала прежде. Юлия в вагон не пустили. Он стоял перед закрытым и грязным окном, одинокий, молчаливый, пытаясь разглядеть за мутным стеклом брата. Тот махал ему рукой: «Иди домой, промок до нитки!»

Юлия беспрестанно толкали мешками, локтями, но он, словно окаменелый, упорно стоял и стоял под окном, а сверху, стекая с крыши вагона, его поливал дождь... В его лице застыла безнадежность.

* * *

Бунин держал путь в Одессу. Знатоков железнодорожных коммуникаций пусть не смущает выбор вокзала. В то бурное и весьма нескудное время путь к городу на Черном море пролегал через Оршу, Жлобин и Минск.

Поезд шел с вооруженной охраной, весь затемненный, мимо таких же затемненных станций, оглашавшихся порой дикими, пьяными криками. Бунин вдыхал сложный запах карболки, картофельного пюре и паровозного дыма.

Его плечо тронула Вера Николаевна:

— Ян, может, чай выпьешь?

«Чай, чай...» Он вспомнил чай в трактире Соловьева в Охотном ряду, куда он как-то зашел с Алешей Толстым. По залу не ходили — летали! — половые в белых косоворотках, с красными поясами о двух кистях, на столах весело сияли громадные блестящие самовары.

Кого здесь только не было! Купцы, между парой чая ладившие тысячные дела; богатыри — ломовые извозчики, согревавшие свое бездонное нутро «китайским бандерольным»; нищий, «настрелявший» у Иверской часовни «синенькую», а теперь пьющий чаек с филипповским калачом и халвой, которую он достает грязной обезьяньей ладошкой из жестянки, на которой написано: «Паровая кондитерская фабрика братьев Максимовых в Москве»; и даже невесть откуда затесавшихся сюда двух дам, благоухающих «Убиганом» и «Гризелией» (36 рублей флакон, фирмы А. Ралле и К⁰).

Писатель должен знать все, каждую мелочь, на которую обычно и внимания никто не обращает. Те же московские вывески! Какие красавицы вывески были на Мясницкой — «Первоклассные чаи всех сортов торгового дома С. В. Перлова» или «Шляпочная мастерская И. В. Юнкера» с забавной рожицей в военной шляпе с развевающимся султаном. На Божедомке — «Хлебное заведение Титова и Чуева». Гигантский магазин — универсальный! — в доме под номером 2 на Петровке — «Мюр и Мерилиз». И на каждом углу — «Керосин и минеральные масла И. Н. Тер-Акопова».

Пройдет всего два года, и безутешные владельцы ценных бумаг концессии Тер-Акопова будут осаждать биржи Европы и Америки в надежде получить за них хоть какие-нибудь гроши.

Сгинут куда-то Титов, Чуев и даже знаменитые Шустов, Сиу и Абрикосов с сыновьями. Останется на Мясницкой чайный магазин, но никто не будет помнить фамилию его славного основателя Перлова, завязавшего торговлю с далеким Китаем еще во времена Екатерины II. Впрочем, так ли уж это давно было?

«Чай, чай...»

Все было. Ковровые сани, юбилеи, речи — полные изящных оборотов и неумеренного восхваления, выход еще одной новой книги, ругань «передовой» критики, присуждение Пушкинской премии, причисление к лику «бессмертных» — выбор в почетные академики Российской академии наук по разряду изящной словесности.

(Спустя несколько лет, проживая в Париже, Бунин обидится на статью «законодательницы поэтических мод» Зинаиды Гиппиус, назвавшей поэзию Ивана Алексеевича «описанием». Вместе со своим спутником, знакомым журналистом, он сядет на площади Согласия в такси. Не разглядев, что шофер русский — обычно это легко определялось с первого взгляда, но теперь, видать, гнев глаза застил — Иван Алексеевич начал «костить» Гиппиус, не стесняя себя в выражениях.

Когда пришла пора выходить, шофер вдруг повернулся к Бунину:

— Простите, господин, вы, наверное, из флотских будете?

Тот ледяным тоном ответил:

— Нет, любезный, я всего лишь академик по разряду изящной словесности.

Шофер вполне оценил «шутку» — он от души смеялся:

— Действительно, «изящная словесность!»)

* * *

В последние месяцы в Москве жизнь круто переменилась. Тяжело стало с продовольствием. Участились случаи грабежей, насилий. На улицах случались перестрелки. Под одну из таких Бунин попал, возвращаясь к себе от брата. По счастью, остался невредим.

Каждый день приходили новые, пугающие слухи. То рассказывали про какого-то отчаянного «атамана матросов» Ривкина, не признававшего ничьей власти, зато

грабившего и убивавшего всех подряд. То кухарка вдруг сделалась неприветливой и грубой. Она всех уверяла, что скоро «прикончат живущих в доме буржуев».

Бунина пригласили читать стихи в какое-то кафе, где царствовало «левое» искусство. Он пришел, увидел, что в клубах табачного дыма «сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников». Отказался от большого гонорара, ушел, чтобы никогда не возвращаться к этой «литературной низости».

В мартовские дни восемнадцатого года он записал в дневник: «Вон из Москвы!» А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка. Погода мокрая, все мокро, грязно, на тротуарах и на мостовой ямы, ухабистый лед, про толпу же и говорить нечего. А вечером, ночью пусто, небо от редких фонарей чернеет тускло, угрюмо. Но вот тихий переулочек, совсем темный, идешь — и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющий на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей, а перед домом столетнее дерево, черный узор его громадного раскидистого шатра».

И опять самые невероятные слухи баламутят народ, и напуганные люди готовы всему верить. Вот и теперь ползет зловещий слух: на город прет германец, вот-вот Москву захватит.

«В городе говорят:

— Они решили перерезать всех поголовно, всех до семилетнего возраста, чтобы потом ни одна душа не помнила нашего времени.

Спрашиваю дворника:

— Как думаешь, правда? Вздыхает:

— Все может быть, все может быть.

— И ужели народ допустит?

— Допустит, дорогой барин, еще как допустит-то! Да и что ж с ними сделаешь? Татары, говорят, двести лет нами владели, а ведь тогда разве такой жидкий народ был?»

* * *

...Поезд тронулся лишь в час ночи. За окном моросил теплый дождь, туман скрывал даль. Розово и слабо светились окна станционных построек.

...Какая странная отрада
Былое попирать ногой!
Какая сладость все, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть — в надежде
Еще одну весну узнать!

Москву он больше не увидал. Он попирал былое, но испытывал вовсе не отраду, а боль и горечь. Предчувствие беды не обмануло.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66